

Н.П. Барсуков

**Альбом автографов Н.Д.
Иванчин-Писарева**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.П. Барсуков**
Альбом автографов Н.Д. Иванчин-Писарева / Н.П. Барсуков – М.: Книга
по Требованию, 2014. – 74 с.

ISBN 978-5-517-97771-7

ISBN 978-5-517-97771-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

милосердія въ тѣхъ домахъ, гдѣ имъ покровительствовали.... Преувеличивать злоупотребленія помѣщичьей власти, чтобы сломить ее, вообще было совершенно бесполезно. Власть эта отжила свой вѣкъ и падала сама собою. Но гораздо важнѣе было, упраздняя ее, создать такое положеніе, которое дѣлало бы возможною жизнь помѣщиковъ на мѣстахъ.... Тогда не разорвалась бы окончательно связь образованныхъ классовъ съ темными массами народа, не потерялась бы преемственность жизни и преданій, и просвѣщеніе массъ шло бы впередъ постепенно само собою. Большой ошибкой было стремленіе отстранить эту историческую силу отъ мѣстной жизни. А этимъ то главнымъ образомъ и задавались новые порядки.... Пора же намъ, наконецъ, посмотрѣть въ глаза правдѣ и сознаться, что стремленіе къ обновленію нашего общественнаго порядка было потребностью самой жизни. Оно истекало изъ глубокихъ пародныхъ источниковъ и болѣе всего изъ самаго животворящаго источника народной жизни, изъ присущаго Русскимъ людямъ глубокаго христіанскаго сознанія, а вовсе не изъ либеральныхъ кружковъ Петербургскаго чиновничества и газетнаго писательства. Это христіанское сознаніе—общественное и народное—вотъ что мало по малу смягчало отношенія крѣпостнаго права и подготовило его упраздненіе безъ всякихъ внутреннихъ потрясеній. Но эту религію наши отцы умѣли хранить, она еще не была затроута пагубнымъ вольнодумствомъ. За то она подерживала семейныя связи и отцовскія преданія, она не допускала дѣтей даже въ зрѣломъ возрастѣ не только съ ранняго дѣтства, являться ярыми критиками своего семейнаго быта и всего существующаго порядка.... Литература, публицистика и педагогія 60-хъ и 70-хъ годовъ понесутъ предъ безпристрастной исторіей страшную отвѣтственность за растлѣніе Русскаго юношества, за ослабленіе въ обществѣ вѣры, семейныхъ узъ и семейныхъ привязанностей“. (Изъ Семейной Хроники. Спб. 1900 г., стр. 22—27).

Къ числу такихъ центровъ просвѣщенія принадлежало и село Рудины Серпуховскаго уѣзда Московской губерніи, гдѣ провелъ свою жизнь Николай Дмитріевичъ Иванчинъ-Писаревъ.

Въ числѣ имѣній, розданныхъ монастырямъ бояриномъ Феодоромъ Васильевичемъ Шереметевымъ, было и Коломенское (нынѣ Серпуховское) село Рудино. Бояринъ Шереметевъ отдалъ его по душѣ

своей и по родитѣлѣхъ Волоколамскому Юсифову монастырю; а царь Ѳеодоръ Іоанновичъ вымѣнялъ его у монастыря на Козельское село Вейну. Въ 1624 году село Рудино пожаловано было царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ прапращуру Н. Д. Иванчина-Писарева по матери, Аванасію Филипповичу Пашкову, за Московское сидѣніе, и это село было первымъ даромъ царей роду Пашковыхъ (Прогулка по древнему Коломенскому уѣзду. М. 1843 г., стр. 108—110).

Семейные акты своего рода (1671—1718 г.) Иванчинъ-Писаревъ напечаталъ въ Читеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ (1847 г. Кн. IX, 1—19).

Сынъ достаточнаго и родовитаго дворянина, помѣщика Московской, Калужской и Тульской губерній, отставнаго гвардіи подпоручика Дмитрія Петровича Иванчина-Писарева и Александры Яковлевны, рожденной Пашковой, сынъ ихъ Николай родился въ Москвѣ 30 Сентября 1790 года. Дѣтство его прошло въ патриархальной, строгой семьѣ, въ мирной деревенской обстановкѣ. Иванчины-Писаревы проживали въ имѣніи, доставшемся Александрѣ Яковлевнѣ въ приданое отъ отца ея Якова Михайловича Пашкова, — селѣ Рудинахъ Серпуховскаго уѣзда Московской губерніи. Здѣсь-то выросъ нашъ писатель и здѣсь получилъ онъ свое образованіе. Сидя дома онъ изучилъ языки Французскій, Нѣмецкій и Итальянскій. (Модзалевскій. Письма Н. Д. Иванчина-Писарева къ И. М. Снегиреву. Спб. 1902 г., стр. 2). Любимыми его писателями были: Карамзинъ, Дмитриевъ и Жуковскій; а изъ Германскихъ: Клейстъ, Галлеръ и Гердеръ, и ради ихъ онъ съ раннихъ лѣтъ полюбилъ Германію, и сохранилъ эту любовь въ продолженіе своей жизни; а потому, по поводу одного выраженія Погодина, Иванчинъ-Писаревъ писалъ ему: „Вы сказали: выбраться изъ Нѣмецкой тьмы и дичи, не лучше ли сказать: изъ заморской тьмы и дичи. На что сердить добрыхъ Германцевъ, которые гораздо менѣе сдѣлали намъ вреда, нежели ихъ сосѣди Французы“. (Жизнь и Труды М. П. Погодина Спб. 1892 г. VI, 306).

Окончивъ свое домашнее образованіе, Иванчинъ-Писаревъ началъ службу, вступивъ 2-го Марта 1804 года въ Московскую контору запасныхъ магазейновъ губернскимъ регистраторомъ; по скорѣй перешелъ на службу въ Московскій Почтамтъ, гдѣ и продолжалъ

свою службу сперва подъ пачальствомъ Ѳ. П. Ключарева, а послѣ его ареста—при Д. П. Руничѣ и И. А. Рушковскомъ (Модзалевскій, стр. 2). Въ письмѣ къ Погодину, Иванчинъ-Писаревъ писалъ: „Служилъ пять лѣтъ цензоромъ Почтамта подъ ферулою перваго въ свѣтѣ труса Рушковскаго“ (Погодинъ, VI, 51).

12 Мая 1814 года, Иванчинъ-Писаревъ вышелъ въ отставку и поселился въ своей древней отчинѣ—селѣ Рудинахъ, гдѣ проводилъ жизнь не праздную.

Подъ вліаніемъ Карамзина Иванчинъ-Писаревъ рано сталъ интересоваться нашей стариной,—и труды его въ этой области приобрѣли ему право на память въ потомствѣ. Одна за другой послѣдовали работы его: Михаилъ великій князь Черниговскій и бояринъ его Ѳеодоръ, Вечеръ въ Симоновѣ, День въ Троицкой Лаврѣ, Утро въ Новоспасскомъ, Спасо-Андрониковъ и Прогулка по древнему Коломенскому уѣзду.

По мнѣнію В. И. Саитова, въ историческихъ трудахъ своихъ Иванчинъ-Писаревъ „является не ученымъ, а делитантомъ, при чемъ изложеніе его нерѣдко страдаетъ излишнею сантиментальностью и риторическою напыщенностію“ (Русскій Біографическій Словарь. Изд. А. А. Половцова. Спб. 1897 г., стр. 34—37).

Погодинъ же писалъ: „Иванчинъ-Писаревъ посвящаетъ перо свое прославленію предковъ, къ возбужденію въ современникахъ чувствъ благочестія, любви къ отечеству, престолу добродѣтели. Труды его достойны общей признательности. Самая риторика, къ которой онъ часто прибѣгаетъ, имѣетъ для меня въ этомъ смыслѣ свою цѣну. Простота, великое достоинство литературное, было бы здѣсь не у мѣста“. (Погодинъ, VI, 114).

Касательно же риторики самъ Иванчинъ-Писаревъ поставилъ на видъ Погодину: „Вы замѣчаете, что я исполненъ набожности и патриотизма. И такъ, что такое набожность?—Чувство. Что такое патриотизмъ?—Чувство. Чѣмъ выражается чувство?—Риторикой. Отъ Псалмовъ, книги Бытія и Иліады до нашихъ брошюркъ чувство не переставало выражаться риторикой. Еслибы я подчивалъ своихъ читателей извѣстіями, въ которомъ году такой-то архимандритъ устроилъ часы на колокольнѣ, а такой-то перепродалъ келліи таковой-то обители и выстроилъ сарай для дровъ,—это дѣло другое“. (ibid. VI, 116).

Вмѣстѣ съ тѣмъ самъ Иванчинъ-Писаревъ въ письмѣ своемъ къ Снегиреву признавалъ, что онъ свои примѣчанія „предпочитаетъ тексту“. (Модзалевскій, стр. 11).

Въ то же время Иванчинъ-Писаревъ весьма цѣнилъ памятники нашего народнаго творчества. Въ 1837 году, въ Москвѣ, онъ издалъ книжку подъ заглавіемъ: Взглядъ на Старинную Русскую Поэзію и посвятилъ ее „Милой Россіянкѣ“. Въ этой книжкѣ Иванчинъ-Писаревъ высказываетъ между прочимъ мысль, что дошедшіе до насъ образцы народной поэзіи по своему глубокому чувству, живости образовъ, силѣ выраженій и красотѣ оборотовъ „не менѣе другихъ достойны комментаторовъ съ отличнымъ дарованіемъ“.

Когда въ Москвитянинѣ были напечатаны, сообщенныя П. И. Савваятовымъ Свадебныя причитанія въ Вологдѣ, то Иванчинъ-Писаревъ писалъ Погодину: „Свадебныя причитанія: очень, очень важны и любопытны. C'est quelque chose que cette nation là! сказалъ Наполеонъ о Русскихъ“. (Погодинъ, VI, 222—223).

Иванчинъ-Писаревъ былъ также знаткомъ и любителемъ художества. Тридцать лѣтъ собиралъ онъ рѣдчайшіе эстампы всѣхъ старыхъ и новыхъ школъ отъ начала гравированія, а также картины, миниатюры, рисунки и произведенія скульптуры.

М. А. Дмитріевъ въ своихъ Мелочахъ рассказываетъ, что у И. И. Дмитріева былъ Миллеровъ эстампъ *La madonna di Santo Sisto*, которымъ онъ дорожилъ по красотѣ экземпляра. Однажды разсматривалъ его извѣстный знатокъ въ этомъ дѣлѣ Иванчинъ-Писаревъ. Вдругъ показалось ему, что это отпечатокъ *avant-l'auréole*; но не довѣряя своимъ глазамъ, онъ просилъ свять эстампъ со стѣны и вынуть изъ рамки; открылось, что это не только *avant la lettre*, но дѣйствительно *avant l'auréole*, т. е. величайшая рѣдкость! Писаревъ восторженъ отъ радости, найдя такую драгоценность, и оцѣнилъ эстампъ по крайней мѣрѣ въ тысячу рублей ассигнаціями, если не дороже. И. И. Дмитріевъ сказалъ ему: хочешь, Николай Дмитріевичъ, я завѣщаю наследникамъ, чтобы они подарили тебѣ этотъ эстампъ? Изволь; обещаю тебѣ! Но И. И. Дмитріевъ чрезвычайно боялся смерти, и не любилъ, чтобы о ней вспоминали. На другой день Иванчинъ-Писаревъ приходитъ къ нему и подаетъ бумагу, прося ее подписать.— „Что это такое?“—Росписка въ вашемъ

обѣщаніи, чтобъ послѣ вашей кончины этотъ эстампъ достался мнѣ.—Дмитріевъ взялъ перо и подписалъ; потомъ сказалъ Писареву: „Я твое желаніе исполнилъ; дай мнѣ слово, что ты мое исполнишь!“—Даю! отвѣчалъ въ радости Писаревъ.—„И такъ, я по твоему желанію подписалъ эту бумагу, а ты по моему желанію оставь ее у меня“. (Мелочи изъ запаса моей памяти. М. 1869 г., стр. 132—133).

„У меня просилъ Погодинъ“ писалъ Иванчинъ-Писаревъ Снегиреву, „краткаго описанія моихъ эстамповъ для Москвитянина. Я принужденъ былъ отказать ему; ибо я не могу говорить въ своей журнальной статьѣ объ эстампахъ иначе, какъ языкомъ фанатика собирателя,—и такъ въ Россіи меня почтутъ сумасшедшимъ“. (Модзалевскій, стр. 52).

Прочитавъ отчетъ Погодина о приобрѣтеніяхъ его Древлехранилища, Иванчинъ-Писаревъ писалъ: „Библиоманская статья о вашихъ приобрѣтеніяхъ очень интересна. Я самъ фанатикъ по части гравированія отъ начала и до нынѣшнихъ временъ. Эстампы, а еще болѣе достоинство ихъ экземпляровъ для меня до сихъ поръ важны. Совершенно понимаю ваше чувство самодовольствія, при увѣренности, что у васъ собраны теперь почти всѣ книги Славянскаго богослуженія, чего ни у кого, по крайней мѣрѣ изъ партикулярныхъ, нѣтъ“. (Погодинъ, IX, 201).

Одновременно съ открытіемъ, сдѣланнымъ П. М. Строевымъ, Тверской Лѣтописи, Иванчинъ-Писаревъ даритъ Погодину изъ своего художественнаго собранія винжалъ императора Карла V-го. Погодинъ принялъ этотъ даръ съ восторгомъ, и писалъ Шевыреву: „Спѣшу сообщить тебѣ мою археологическую радость: Тверской лѣтописецъ. Это еще ничего, но вотъ Европейская драгоцѣнность: винжалъ императора Карла V-го съ его именемъ, годомъ и короною, рѣзной отличной работы Среднихъ Вѣковъ“. Но Шевыревъ не безъ ироніи отвѣчалъ Погодину: „Поздравляю съ находкою. Тверской лѣтописецъ я считаю болѣе Европейскою находкою, чѣмъ винжалъ Карла V-го. Извините, г. Западный“. (Погодинъ, IX, 201—202).

Иванчинъ-Писаревъ былъ прекрасный сельскій хозяинъ и попечительный помѣщикъ. „Новоуныи, забытый нынѣ Карамзинъ“,

писалъ Иванчинъ-Писаревъ Снегиреву, сказалъ мнѣ: „перепишите ваши страницы сами; это будетъ въ пользу сочиненія: всегда найдутся поправки. Но Карамзинъ не бѣгалъ по полямъ, не выбиралъ колоски ржи изъ мириады травъ, чтобы намолотить что нибудь для посѣва; а я купивъ на сѣмяна ржи болѣ, чѣмъ на три тысячи рублей, долженъ выбрать и послѣдній волосокъ въ моемъ полѣ; а тутъ сѣвъ, а тутъ уборка овса, а тутъ кормить крестьянъ; а тутъ и проч. И такъ, я не могу слушаться великаго человѣка и самъ переписывать; а мой переписчикъ теперь таскаетъ снопы“ (Модзалевскій, стр. 33—34).

Въ одномъ письмѣ своемъ къ Погодину, Иванчинъ-Писаревъ выражаетъ свой взглядъ на оброкъ и барщину. „Знаю только“, писалъ онъ, „что нынѣ и легкій оброкъ гибель народу, а умная барщина его благо. У меня каждый крестьянинъ въ свободное время отъ барщины выручаетъ себѣ триста рублей отъ тканья, а при томъ засѣваетъ и убираетъ въ пору и свое поле. И такъ они живутъ припѣваячи, чѣмъ я и хвалюсь во всемъ околоткѣ. Что же я получаю доходу?—Двѣсти пятьдесятъ рублей. Положи я ихъ на оброкъ—ни одинъ не заплатитъ ста рублей, отъ лѣности, перадѣнія и пьянства, въ которомъ они погрязнуть, какъ и другіе оброчные“. (Погодинъ, VIII, 15).

Иванчинъ-Писаревъ умеръ въ своихъ Рудинахъ, 25 Января 1849 года, и погребенъ около церкви. Старинный другъ его Снегиревъ помянулъ его такими словами: „Благочестивый по душѣ, поэтъ и аристократъ, онъ посвящалъ труды свои Отечественной Церкви, описалъ монастыри Симоновъ, Новоспасекій, Андроніевскій и Троицкую Лавру. У него мысль подчинена выраженію, по Карамзинской формѣ. Поѣздка по Коломенскому уѣзду любопытна и важна. Дай Богъ, чтобы подобные дѣятели у насъ не переводились“. (Погодинъ, X, 544).

Николай Барсуковъ.

2 февраля 1905 года.

С.-Петербургъ.

АЛЬБОМЪ.

Л. 1. Мои Пенаты.

Л. 2. Стихотвореніе Хозяина Альбома.

Всемощны Августы! Надменны Меценаты!
Друзья питомцевъ Музъ, Овидій васъ узналъ.
Не вы, о сильные! не вы мои Пенаты:
Я лестью жертвъ моихъ еще не утучнялъ:
Богать или убогъ, но не склоняя выю,
Съ презрѣньемъ оттолкну Фортуны колесо,
Повергши въ прахъ и Римскаго Витію,
Расина, Мильтона, Торевато и Руссо!
Природѣ и друзьямъ мой жертвенникъ смиренный!
И за крылатую не ссоряся съ судьбой,
Подъ тѣнь родныхъ дубравъ, подъ кровъ уединенный
Лишь строки милыхъ мнѣ я уношу съ собой.

Л. 3. Собственноручный списокъ:

кто и когда писали въ семь Альбомѣ.

Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ. 1818 года Декабря 23.

Николай Михайловичъ Карамзинъ. 1819 г. Февраля 5.

Василій Андреевичъ Жуковскій. 1819 г. Февраля 9.

Владиміръ Васильевичъ Измайловъ. 1819 Марта 6.

Василій Львовичъ Пушкинъ. 1819 Января 9.

Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій. 1819 Января 14.

Анна Петровна Бунина. 1819 Марта 10.

Княжна Аграфена Ивановна Трубецкая. Музыку для моего романа: Сердце, сердце. 1819 Марта 6.

Дмитрій Потаповичъ Шелеховъ. 1819 Января 27.

Петръ Александровичъ Новиковъ. 1819 Марта 6.

Михаилъ Александровичъ Дмитриевъ. 1819 Июля 2.

Александръ Александровичъ Писаревъ. 1820 Января 6.

Княжна Аграфена Ивановна Трубецкая. Музыку для двухъ моихъ романсовъ: Ты грустишь, и Могу-ль перемѣниться.
1820 Марта 1.

Князь Федоръ Николаевичъ Голицынъ. 1820.

Федоръ Федоровичъ Кокоскинъ. 1821.

Князь Иванъ Михайловичъ Долгоруковъ. 1822 Апрѣля 12.

Княгиня Зенаида Александровна Волконская. 1826 Марта 2.

Раичъ. 1828 Декабря 30.

Александра Антоновна Засѣцкая. 1828 Февраля 19.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. 1828 Декабря 30.

Евгеній Абрамовичъ Баратынскій 1829 Января 28.

Мозаикъ дѣлалъ шевалье Барбери. 1826.

Николай Ивановичъ Гнѣдичъ. 1831 Юня 30.

Л. 5. Стихотвореніе Ивана Ивановича Дмитриева.

Кто болѣе другихъ по сердцу говоритъ;
Привѣтливъ, а не подлъ; не гордъ, а сановитъ,
И знаемъ безъ чиновъ, безъ знатности и злата?
Поэтъ: онъ ни за что не будетъ другъ разврата;
Всегда великъ душой, и мыслями высокъ,
Ласкать самимъ царямъ считаетъ за порокъ,
Онъ добродѣтели талантъ свой посвящаетъ,
И въ самыхъ вымыслахъ пріятно поучаетъ;
Стыдится быть врагомъ совѣстниковъ своихъ,
Талантомъ лишь однимъ смиряетъ дерзость ихъ....

* * *

Увы! и самый даръ Виргилія не сносятъ,
Когда невинности смиренной вредоносятъ,
Злословить добраго и вводить въ краску дѣвъ;
Пусть гряпетъ на меня, не медля, Божій гнѣвъ,
Коль скоро узвлю перомъ или на лирѣ,
Хочу единожды честнаго мужа въ мѣрѣ!...

* * *

О естли бы я могъ, безъ рабства, оболъщеня,
 Почтеннымъ быть всегда въ почтенномъ ремеслѣ!
 Считать весь міръ друзей въ умѣренномъ числѣ;
 Для утѣшеня ихъ употреблять всѣ силы,
 Читать, что мнѣ нравится; а видѣть, кто мнѣ милы.

И. Дмитріевъ

Л. 6. Автографъ Карамзина: Изъ IX т. Россійской Исторіи, гл. 1.

Аванасій сталъ на святительское мѣсто, выслушалъ привѣтственную рѣчь Царя, далъ ему благословеніе, и громогласно молилъ Всевышняго, да ниспошлетъ здравіе и побѣды Іоанну. Онъ уже не смѣлъ, кажется, говорить о добродѣтели!

Н. Карамзинъ.

С. Петербургъ

5 февраля 1819.

Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ замѣтилъ: „Получено мною прежде нежели вышелъ въ свѣтъ IX томъ Истор. Рос. Госуд.“

Князь Иванъ Михайловичъ Долгоруковъ родился въ Москвѣ, въ 1764 году, воспитывался въ Московскомъ Университетѣ. По увѣренію Греча, изученіе языка Латинскаго и прилежное чтеніе духовныхъ книгъ раскрыли таившійся въ Долгорукомъ талантъ въ поэзіи, который образованъ былъ, подъ покровительствомъ И. И. Шувалова и М. М. Хераскова, достойными профессорами Московскаго Университета“. (Опытъ краткой Исторіи Русской Литературы Спб. 1822. IV, 483—484). О Долгоруковѣ И. И. Дмитріевъ говорилъ князю Вяземскому, что „онъ въ молодости былъ рѣзвъ до безумія. Бывало придешь къ нему, онъ скачетъ по стульямъ, по столамъ, уйдетъ отъ него не добившись слова благоразумнаго. Любилъ хорошо ѣсть и кормить. Какъ скоро заведутся деньги, то задастъ обѣды. Странно одѣвался, ходилъ по улицамъ въ одеждѣ полу-полковой и полу-актерской изъ платя игранныхъ имъ ролей“. (Полное Собраніе Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго. Спб. 1884. IX, 62).

Л. 7. Стихотвореніе Кн. Ивана Михайловича Долгорукова.

Въ альбомѣ писать стихи—мое ли право дѣло?
 Ты требуешь того—я поступаю смѣло.
 Но что писать къ тому, кто такъ взростилъ какъ ты
 Неувядаемы поэзіи цвѣты,
 Кто смѣль (твои слова) близъ ангела молиться,
 И съ образомъ его отъ свѣта удалиться*.)
 Хоть два раза почти я старѣе тебя,
 Но такъ же горячо и самъ еще любя,
 Довѣренности въ знакъ здѣсь моляю откровенно,
 Что пламенной любви въ насъ чувство неизмѣнно;
 Оно еще въ раю, какъ самый даръ благой
 Дано Творцемъ міровъ съ безсмертной намъ душой.
 Пускай смѣется свѣтъ сіи читая строки,
 Что старый хрѣнь какъ я даетъ любви уроки:
 Зачѣмъ же нѣтъ? скажу, душа моя жива,
 Ко сладостямъ любви она еще нова,
 Ее не умертвять ни времена, ни годы,
 И старецъ во сто лѣтъ въ пріятный мигъ свободы
 Способенъ иногда блаженства чапу пить,
 Въ хоромигѣ простой все небо заключить.
 Любовь, котора насъ то нѣжить, то тревожить,
 Которой изъяснить ничей языкъ не можетъ.
 Любовь есть нашъ удѣлъ, сокровище души,
 Богатство въ нищетѣ—величіе въ глуши;
 Отъ прелестей ея какой мудрецъ спасется?
 Мы любимъ всякой день доколѣ сердце бьется,
 И даже, признаюсь, подъ крышкою гробовой
 Мнѣ кажется туда сокроется со мною
 Последняя мечта, послѣдній видъ предмета
 Который былъ мнѣ здѣсь всего дорожѣ свѣта.
 Законъ души моей въ альбомѣ вмѣщаю твой:
 Кто любить тотъ въ раю; кто милъ—тотъ богъ земной.

12 Апрѣля 1822.

*) Относится къ однимъ изъ стиховъ Хозяина Альбома.

Иванчинъ-Писаревъ.